

*Сборник статей
к 60-летию В.Э.Вацуро*

А. Г. Тартаковский

«СТОИЧЕСКОЕ ЛИЦО БАРКЛАЯ...»

Опала, постигшая М. Б. Баркляя де Толли в 1812 г., тяжело отозвалась на всей последующей его судьбе — прижизненной и посмертной. Пожалуй, ни один другой крупный русский военачальник нового времени не был окружен такой плотной завесой пристрастных и противоборствующих мнений, слухов и предрассудков, иногда чисто мифологического свойства, не изжитых в общественном сознании и поныне. С особой остротой драматизм судьбы Баркляя выразился в гениальной поэтической апологии Пушкина «Полководец» и в вызванной им жаркой полемике 1830-х годов. Она не раз уже служила предметом специальных и весьма ценных исследований. В трудах В. А. Мануйлова и Л. Б. Модзалевского, Г. Кокки, Н. Н. Петруниной, В. Э. Вацуро, В. П. Старка всесторонне и глубоко освещен этот важный эпизод творческой биографии Пушкина и идейно-общественной борьбы 1830-х годов. В нижеследующих заметках, всецело опираясь на названные труды, мы хотели бы только привлечь внимание к некоторым еще недостаточно проясненным сторонам полемики вокруг «Полководца» и позиции в ней Пушкина.

«ПОЛКОВОДЕЦ»

Свою апологию Баркляя Пушкин напечатал в III томе «Современника», вышедшем в начале октября 1836 г.¹ Но написана она была, как известно, в апреле 1835 г., около полутора лет пролежав без движения в письменном столе поэта.

«Полководец» явился перед публикой в преддверии 25-летнего юбилея Отечественной войны. Его празднованию был придан поистине государственный размах, готовились пышные военно-демонстративные мероприятия, по правительственному заказу составлялись капитальные труды о наполеоновских войнах, живой интерес к ним то и дело выплескивался на страницы журналов и газет различной идейно-литературной ориентации, печатались всякого рода исторические сочинения о кампании 1812 г., воспоминания и «военные анекдоты» ее участников, поэтические и беллетристические отклики на войну, историко-публицистические статьи и военно-теоретические трактаты, рецензии на посвященную ей лите-

ратуру и т. д.² В августе — октябре 1836 г. в печати появляется также немало исторических материалов об участии самого Барклая в наполеоновских войнах. Это и написанная С. А. Маркевичем биография полководца, и его же статья «Бородино» в IV томе «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара, перепечатанная тогда же в периодических изданиях, и серия очерков в «Русском инвалиде» о командовании Барклаем союзными войсками в кампании 1813 г.³

Естественно, что в этой насыщенной реминисценциями Отечественной войны и заграничных походов обстановке Пушкин, при том, что его творческое сознание издавна волновала эпоха 1812 г., не мог оставить ее без внимания. В 1836 г. он помещает на эти темы в своем журнале ряд очень значительных произведений мемуарного, военно-исторического, критико-библиографического, литературного характера, в том числе и фрагмент собственной повести о событиях того времени — «Отрывок из неизданных записок дамы» («Рославлев»)⁴.

В ряду этих публикаций «Полководец» занимал, однако, место совершенно особое.

Стихотворение было создано под впечатлением посещения Пушкиным Военной галереи Зимнего дворца, где среди более 330 портретов русских генералов 1812—1815 гг. работы английского художника Дж. Доу поэта привлекло торжественно-приподнятое изображение Барклая де Толли — сильной, мыслящей, полной благородства и духовной сосредоточенности личности, с «презрительною думою» смотрящей на зрителя.

Пушкинистами с достаточной полнотой раскрыт многослойный смысл стихотворения, сложное сочетание его философских и лирико-поэтических ассоциаций. Трагический образ Барклая оказался как нельзя более созвучен сокровенным переживаниям Пушкина, как бы накладываясь на его собственную судьбу в 1830-х гг. Соответствуя общим принципам романтического мироощущения, стихотворение явилось одним из цикла его произведений последнего десятилетия жизни, посвященных участи призванного к историческому служению, но отверженного современниками Творца — будь то Пророк, Поэт, Государственный муж. В «Полководце» эта тема была углублена еще и религиозно-нравственным истолкованием, почерпнутым из Евангелия и этического учения стоиков, — это придавало стихотворению высокую степень художественно-философского обобщения.

Тяжкая участь Барклая в 1812 г. была переосмыслена в свете аналогий с крестным путем Христа, воплотившихся во всем образном строе «Полководца». Отсюда и облик мудрого, уверовавшего в свое предназначение вождя, неколебимого в своих моральных устоях, со стоической твердостью, с полным самоотвержением переносящего поношения «таинственно спасаемого» им народа, — подобно тому, как, по Евангелию, толпа тоже, «ругаясь и смеясь», преследовала Христа⁵. Не случайно, высказываясь и позднее по поводу роли, сыгранной Барклаем в 1812 г., Пушкин дважды подчеркивает как раз эту «стоическую» черту его характера.

При столь сгущенной философско-поэтической семантике стихотворения, оно заключало в себе и некий исторический подтекст, питаемый реальными познаниями Пушкина в эпохе 1812 г.

Именно этот подтекст выступал прежде всего на поверхность, именно он был главным образом замечен читающей публикой, породив полемику в печати. Публицистическое его звучание в разгар юбилея Отечественной войны было особенно злободневно еще и потому, что самой темой стихотворения Пушкин вторгался в сферу официальной истории — ведь Барклай и не названный по имени, но легко угадываемый за его строками Кутузов были историческими фигурами национального масштаба, та или иная репутация которых была для многих далеко не безразлична. Еще жили их сподвижники и враги, сослуживцы и родственники, друзья и потомки, хранившие в своей среде отголоски ожесточенных пристрастий 1812 г., да и затронутые в «Полководце» коллизии той эпохи, не вполне ясные в своей истинной подоплеке современникам, продолжали оставаться еще в значительной мере потаенными.

ОТКЛИК ГРЕЧА

Первая реакция на «Полководца» последовала оттуда, откуда ее, казалось бы, менее всего можно было ожидать. Она исходила от Н. И. Греча — критика, переводчика, беллетриста, филолога, журналиста консервативного толка, издававшего вместе с Ф. В. Булгариным официозную политическую и литературную газету «Северная пчела». В наших нынешних расхожих понятиях оба они сливаются часто в один одиозный «булгаринско-гречевский» образ. Между тем по культурному «цензу», месту в литературном движении, общественному поведению Греч все же заметно отличался от своего журнального «двойника», и Пушкин вовсе не ставил их на одну доску. С Гречем еще с первой половины 1820-х гг., в пору его близости к либеральным и декабристским кругам, он поддерживал знакомство, печатался в основанном им в 1812 г. «Сыне отечества»; отношения, правда, резко ухудшились в 1830—1831 гг., когда Греч втянулся в развязанную Булгариным кампанию против поэта, но после — наладились и стали деловыми и достаточно прочными. В 1832 г. Пушкин собирался привлечь Греча к замышлявшейся им газете, в 1834—1836 гг. посещал его литературные «четверги», бывал даже у него на семейных торжествах и уже после дуэли, на смертном одре 27 января 1837 г., узнав о кончине сына Греча, просил передать ему свое душевное соболезнование⁶.

При всем том Греч не входил в число друзей и литературных соратников Пушкина — тем важнее для нас его моментальная реакция на «Полководца».

9 октября был отпечатан и поступил в продажу тираж III тома «Современника», а уже 12 октября Греч пишет Пушкину письмо с впечатлениями от только что прочитанного стихотворения. Восхищаясь «исполинс-

ким талантом» автора, в его апологии Баркляя он видит литературную акцию, исполненную высокого гражданского долга. «Вы доказали свету, — продолжает Греч в тональности, близкой к стилистике пушкинского стихотворения, — что Россия имеет в вас истинного поэта, ревнителя чести, жреца правды, благородного поборника добродетели, возносящегося светлым ликом и чистою душою над туманами предрассудков, поветрий и страстей, в которых коснеет пресмыкающаяся долу прозаическая чернь. Честь вам, слава и благодарение!»⁷

Пушкин не замедлил с ответом и 13 октября отправил Гречу благодарственное письмо, где, отметив величие духа Баркляя, обозначил, в сущности, тот угол зрения, под каким освещен его облик в «Полководце». Вот эта почти афористическая по своей выразительности максима: «Стоическое лицо Баркляя есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства, но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения»⁸.

Два дня спустя, 15 октября «Полководец» от первой до последней строки был перепечатан в «Северной пчеле» с весьма похвальным отзывом: «превосходное по предмету, по мысли, по исполнению», это стихотворение — «одно из лучших свидетельств, что гений нашего поэта не слабеет, не вянет, а мужается и растет, что Россия должна ждать от него много прекрасного и великого».

Некоторые пушкинисты этот отзыв, как и саму инициативу перепечатки в «Северной пчеле» «Полководца», приписывают Ф. В. Булгарину, усматривая в его попытках «выставить поэта своим союзником» «низкую интригу» и тонкий вернопопуданнический расчет. Такая трактовка подкрепляется, в частности, тем, что тогда же Булгарин выступал в «Северной пчеле» с враждебными нападками на пушкинский журнал. «Поразительно, — пишет исследователь, — с какой легкостью Булгарин в самый разгар борьбы с «Современником» отказался от своих постоянных выпадов против Пушкина»⁹.

Но в оценке роли Баркляя в 1812 г. Булгарин, как бы это ни показалось сейчас странным, был в известном смысле «союзником» Пушкина. В вышедшем еще за пять лет до того «нравоописательно-историческом» романе «Петр Иванович Выжигин» он, как только мог, превозносил Баркляя — одного «из величайших полководцев нашего времени», полагая, что стратегический «план его есть верх мудрости, а исполнение превосходит всякую похвалу»¹⁰.

Поэтому никакой интриги за этим стоять не могло, а от нападков на Пушкина Булгарин в данном случае вообще «не отказывался» по той простой причине, что автором похвального отзыва о «Полководце» в «Северной пчеле» был вовсе не он, а, как верно заметил В. Э. Вацуро, сам Греч¹¹ — слишком созвучен этот отзыв не только идейно, но и фразеологически его письму к Пушкину от 12 октября 1836 г., чтобы относительно его авторства могли бы закраться какие-либо сомнения.

Греч до конца жизни ценил поэтическую защиту Пушкиным опального полководца и, вспоминая в своих записках, что в 1812 г. Барклай, «человек возвышенный и чистый», был «бесславно порицаем», не преминул добавить: «Честь Пушкину, что он прекрасными своими стихами отдал должную справедливость неузнанному и непонятому другу правды и добра»¹².

ВОЗРАЖЕНИЯ СТАРОГО ПЛЕМЯННИКА

Не все, однако, разделяли восторг по поводу «Полководца». В светском обществе, в столичных салонах и аристократических кружках о нем складывались и совсем иные мнения. Их очагом стал дом доживавшего на покое свой век президента адмиралтейской коллегии, флота генерал-казначая, председателя Ученого комитета Морского министерства и члена Российской Академии Логгина Ивановича Голенищева-Кутузова. Приверженец культурных и военных традиций XVIII в., весьма консервативно настроенный, но и слегка фрондирующий, Голенищев-Кутузов еще в начале века был тесно связан с деятелями «архаистского» толка — Г. Р. Державиным, Д. И. Хвостовым, А. С. Шишковым, М. Ф. Каменским, П. И. Благратионом, но более всего — с М. И. Кутузовым, которому он приходился по отцу четвероюродным братом, а по матери, Евдокии Ильиничне, урожденной Бибиковой, родной сестре жены полководца, — племянником. По воспоминаниям известного скульптора-медаляера Ф. П. Толстого, их общего родственника, когда Кутузов в августе 1812 г. был назначен главнокомандующим, то именно в доме Логгина Ивановича провел в уединении последние дни, готовясь к отъезду в армию¹³.

Не чуждый литературных интересов и сам выступавший в печати с переводами иностранных сочинений по морской истории, Голенищев-Кутузов не упускал журнальных новинок и, как только начал издаваться «Современник», стал его вдумчивым читателем и, видимо, подписчиком. Во всяком случае, когда вышел I том журнала с пушкинским стихотворением «Пир Петра Первого», в форме историко-поэтического иносказания призывавшим Николая I проявить милосердие к каторжным и ссыльным декабристам, Голенищев-Кутузов тут же оценил этот поступок поэта как «урок, преподанный им нашему дорогому и августейшему владыке»¹⁴.

Но появившийся в «Современнике» полгода спустя «Полководец» встретил с его стороны взрыв негодующих чувств — строки стихотворения, возвышавшие Барклая де Толли, были расценены как сознательное умаление заслуг в 1812 г. Кутузова. 17 октября, по случаю именин Логгина Ивановича, у него был большой съезд гостей, и эта тема, конечно, горячо обсуждалась здесь, причем «очень возбуждена и крайне раздражена стихами» была, как отмечено в его дневнике, «кузина Лиза Хитрово»: со слезами на глазах «она говорила мне о неблагодарности Пушкина, которого так хорошо принимала»¹⁵. (Это обстоятельство, действительно, ставило

Пушкина в двусмысленное положение, ибо Елизавета Михайловна Хитрово — пламенная патриотка и верная наследница славы своего отца — была и ревностной почитательницей таланта поэта, его давним, преданным и бескорыстным другом, не раз приходившим ему на помощь в моменты трудных жизненных испытаний, и Пушкин меньше всего хотел задеть ее дочерние чувства.)

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Голенищева-Кутузова, явилась перепечатка «Полководца» в «Северной пчеле». Не очень искусный в тонкостях литературно-журнальных отношений, он почему-то вообразил, что Пушкин, дабы добиться большей известности стихотворения, сам передал его сюда для публикации. «Северная пчела», в три раза превосходившая по тиражу I том «Современника», была наиболее читаемой в столицах и провинции газетой, и появление в ней «Полководца», безусловно, усиливало его резонанс в обществе.

И тут Голенищев-Кутузов выступает с публичным опровержением «несообразности» Пушкина. 3 ноября оно было представлено в цензуру, в тот же день встретив поддержку главы цензурного ведомства С. С. Уварова — злобного врага поэта, одобрено и к 5 ноября уже отпечатано в типографии Российской Академии отдельной брошюрой. Сперва Голенищев-Кутузов намеревался выпустить ее в публику в качестве приложения к «Северной пчеле», поэтому брошюра, в соответствии с тиражом газеты, была отпечатана в количестве 3 400 экземпляров, но Греч, очевидно, отказался рассылать своим подписчикам полемический выпад против столь восторженно оцененного им стихотворения, и, в конце концов, брошюра была распространена в виде вкладыша к «Санкт-Петербургским ведомостям» от 8 ноября, но, возможно, имела и более широкое хождение, на что, в частности, несколько позднее намекал Булгарин, характеризуя ее, как «листок, приложенный ко всем газетам 1836 года»¹⁶.

Как ни старался Голенищев-Кутузов соблюсти внешне корректный тон (он не скупится на похвалы «пиитическому дару» Пушкина, красноречивому описанию портретной галереи Дж. Доу и т. д.), брошюра наполнена ядовитыми и компрометирующими его намеками.

Возражение вызвали уже начальные строки пушкинской характеристики Баркляя: «Все в жертву ты принес земле тебе чужой» — здесь Голенищев-Кутузов берет даже под защиту Баркляя от Пушкина. Это «противно истине», возмущается он, ибо «воспеваемый полководец был лифляндец», а «лифляндские дворяне», со времен Петра I и его преемников верой и правдой служившие России, «кровью своей доказали», что она «для них не чужая земля», и «приобрели полное право носить имя русских». Несогласие с поэтом он дополнил и личными воспоминаниями о Баркляе, с которым был знаком еще со Шведской кампании 1790 г., — «неоднократно от него слышал»: «мы лифляндцы уже русские»¹⁷.

Автор брошюры пренебрег поэтическим обобщением Пушкина, абстрагировавшегося в целях усиления черт жертвенности своего героя от

действительных обстоятельств его биографии. Но с чисто фактической стороны Голенищев-Кутузов был не так уже и не прав и в этом своем мнении вовсе не одинок.

П. Х. Граббе — представитель младшего сравнительно с ним поколения и совсем иной общественной среды — участник наполеоновских войн, адъютант Баркляя в 1812 г., позднее декабрист, член Союза благоденствия, добрый знакомец и поклонник поэта — в конце 1836 г. в своих записках бросил ему тот же упрек: «Пробуждением Пушкина были в нынешнем году стихи «Полководец», в которых он отыскался весь, со всем своим высоким дарованием. Стихи превосходны, не смотря на несправедливую строку: Все в жертву ты принес земле тебе *чужой*. Несправедливую против Баркляя де Толли и всех его соотичей, купивших усердьем и кровью в продолжении слишком столетия полное право называться русскими»¹⁸. Совпадение, как видим, почти текстуальное, но возникшее, надо полагать, само собой, ибо каких-либо данных о знакомстве П. Х. Граббе с брошюрой Голенищева-Кутузова у нас нет. Несколько позднее Греч заметит не без оснований по тому же поводу: «Да и чем лифляндец Барклай менее русский, нежели грузин Багратион? Скажите: этот православный, но дело идет на войне не о происхождении Святого Духа!»¹⁹

Не было бы, однако, большой беды, ограничься автор брошюры указанием на эту историческую неточность, но в своих филиппиках он вышел за пределы собственно литературной полемики. Если ради «мнимого превознесения» Баркляя Пушкин представил его лифляндцем, а не русским, то «следовательно, поэт решил, что и другие лифляндцы, служившие России на разных поприщах, тоже не русские» — «и они и мы должны удивляться сему изречению». Тем самым в пушкинское стихотворение был привнесен смысл, совершенно чуждый его художественно-исторической концепции и не имевший ничего общего с истинным замыслом поэта. Умышленно или по неловкости, но Голенищев-Кутузов коснулся материи более чем деликатной: все прекрасно знали, что на правительственных и дипломатических должностях, в верхах военной бюрократии, в придворном окружении Николая I было немало этих самых «других лифляндцев» — выходцев из остзейского дворянства, и, давая понять, что поэт лишает их права называться русскими, Голенищев-Кутузов придавал своей критике явно доносительный, опасный для Пушкина оттенок²⁰.

Но самый острый его выпад был обращен против тех строк стихотворения, где фигура Баркляя в 1812 г. соотносилась с Кутузовым. Автор оспаривает взгляд Пушкина на спасительную роль Баркляя в событиях того времени («Народ, таинственно спасаемый тобою»). Если у него и были какие-то успехи в период отступления, то явились они лишь следствием грубых просчетов Наполеона, что удостоверено не только «многими военными писателями на разных языках», но и в «классическом военном сочинении» русского историка Д. П. Бутурлина о кампа-

нии 1812 г., удостоенном «высочайшего одобрения» «покойного государя». Апелляция к авторитету Александра I сообщала этим доводам официальный и опять же крайне неблагоприятный для Пушкина привкус — ведь в соответствии с такой логикой его поэтическая оценка Баркляя приходила в очевидное противоречие с царским мнением.

Напомнив об официально признанных заслугах Баркляя в заграничных кампаниях 1813—1814 гг., перечислив награды и титулы, которыми он был пожалован, Голенищев-Кутузов отвергает, по сути дела, какой-либо положительный смысл в его действиях в Отечественной войне, и потому особый гнев критика вызывают узловые в развитии драматического сюжета стихотворения строки:

И на полу-пути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец
И власть, и замысел, обдуманно глубоко.

«Поэт позволил себе <...> совершенно неприличный вымысел», — повышает регистр критического голоса автор брошюры. Отводя возможные подозрения в том, что вступился за честь Кутузова по семейным соображениям — по «двойному родству, по сердечной дружбе, которые меня соединяли с князем Михаилом Ларионовичем», — и рядясь в тогу беспристрастного судьи, он ссылается на давно обнародованные документы фельдмаршала за 1812 г., на труды военных историков и опять же на «всеобщее мнение просвещенных русских и иностранцев». А из всего этого следует, что только Кутузову принадлежал замысел отражения нашествия, и избавлена от него Россия не «пресловутыми маневрами Баркляя в 1812 году» (фраза из дневниковой записи Голенищева-Кутузова от 17 октября 1836 г., отразившая раздраженные разговоры его близких о напечатанном перед тем «Полководце»)²¹, не «действиями армии до взятия Смоленска», а главным образом ее «действиями после оставления Москвы», значит, Кутузов, а не Барклай — истинный спаситель отечества²².

В процитированных выше строках Голенищев-Кутузов верно почувствовал кульминацию в освещении Пушкиным коллизии между двумя военачальниками. Но он не знал еще того, что перед ним был лишь смягченный вариант. В беловом автографе, предшествовавшем печатному тексту, содержалась строфа, которую Пушкин не счел возможным включить в публикацию «Полководца» в «Современнике» и в которой представление о герое стихотворения как творце спасительного плана кампании и сама мысль о том, что ее успешный исход был predetermined Барклаем еще на начальном этапе войны, выразились куда как сильнее:

Преемник твой стяжал успех сокрытый
В главе твоей. — А ты непризнанный, забытый
Винovníк торжества почил <...>²³

Если в печатном тексте тот, кому Барклай уступал «лавровый венец», не был каким-либо образом указан и оттого вся строфа звучала безлич-

но, то здесь Кутузов, по имени по-прежнему не названный, обозначен уже вполне определенно: ни для кого же не было секретом, кто явился в 1812 г., хотя бы по времени, «преемником» Барклая, причем сам этот термин заключал в себе активно-действенный акцент: не Барклай уступал свой «венец», а Кутузов «стяжал» его успех, т. е. выступал как военачальник, воспользовавшийся планом своего опального и отвергнутого предшественника.

Уже в наши дни, в 1969 г., был обнаружен в архиве неизвестный ранее белойой автограф «Полководца» — в альбоме великой княгини Елены Павловны (жены брата Николая I, Михаила Павловича). В конце 1836 или начале 1837 г. Пушкин по ее просьбе и в расчете на узкий круг посвященных вписал сюда полный текст стихотворения. Либеральная и просвещенная женщина, покровительница литераторов, художников, музыкантов — «белая ворона» в царской семье, — она оказывала поэту свое внимание и между ними установились отношения дружеские и даже доверительные. Есть поэтому все основания считать альбомный автограф авторитетным и отражающим, очевидно, последнюю авторскую волю текстом стихотворения²⁴.

Что касается только что разобранный строфы, то записывая ее в альбом, Пушкин не просто механически воспроизвел прежние строки из чернового автографа, а существенно уточнил их, в том числе заменил «Преемник» на «Соперник», что придало строфе уже явно антикутузовский смысл.

Не касаясь сейчас причин, побудивших поэта исключить данную строфу из печатного текста стихотворения, — на этот счет среди литературоведов давно ведутся горячие дебаты, — отметим тонкое наблюдение Н. Н. Петруниной, автора монографического исследования о «Полководце»: в этой замене невольно «выявился и вышел на поверхность внутренний смысл стихов»²⁵.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что именно этот «внутренний», антикутузовский смысл стихотворения — а не просто апология Барклая сама по себе — и явился главным стимулом для публичного выступления Голенищева-Кутузова.

Ведь Пушкин был тогда не единственным и не первым, кто отозвался в русской печати столь возвышенным образом об опальном в 1812 г. полководце. Еще в 1832 г. вышел русский перевод многотомного труда Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта», где Барклай признавался главным виновником поражения французского императора²⁶. В следующем году в «Московском Телеграфе» появилась критическая статья К. А. Полевого о труде Вальтера Скотта, полемически заостренная против официальной интерпретации истории 1812 г. и чуть было не послужившая поводом для запрещения журнала. В разборе описания Скоттом Отечественной войны, ставя вопрос о том, кому же Россия обязана своей победой, Полевой отдает «справедливость бессмертным мужам, спасителям России: Александру, мужественному, неколебимому противнику за-

падного исполина и мудрому великому полководцу Барклаю» — последний был не только поставлен, таким образом, в один ряд с царем (его заслуги усматривались лишь в том, что он не капитулировал перед Наполеоном), но всей логикой рассуждений выдвинут на передний план: «Барклай де Толли, который умел спасти армию и затрудилил, изумил Наполеона своею системою медления вследствие глубокого расчета, Барклай де Толли был другим хранителем России. К сожалению, обстоятельства не позволили ему самому довершить своего великого подвига, который от того и оценивается многими не так, как бы надлежало. Но история будет справедливее современников: она отдаст каждому законный участок славы»²⁷.

В биографии Барклая, напечатанной в 1836 г. в IV томе «Энциклопедического лексикона», содержалась высокая его оценка, созвучная с характеристикой Полевого не только по смыслу, но и почти словесно: «услуги, оказанные им отечеству, делают память его священной для каждого Россиянина. Но несправедливость современников часто бывает уделом людей великих: не многие испытали на себе эту истину в такой степени, как Барклай де Толли. В тяжелом 1812 году, когда он, следуя искусно соображенному плану, отступал без потери перед многочисленными полчищами неприятельскими, готовя им вечную гибель, многие, весьма многие, не понимая цели его действий, обвиняли его в бедствиях отечества!»²⁸ IV том лексикона был разрешен цензурой к печати 31 декабря 1835 г. и реально вышел в свет в начале 1836 г., однако еще 25 и 27 января текст биографии Барклая был помещен в «Русском инвалиде», а несколько позднее — и в других военно-ведомственных изданиях²⁹. Трижды напечатанная в Петербурге за короткий промежуток времени, эта биография вряд ли могла пройти мимо просвещенного, внимательно следившего за столичной прессой Голенищева-Кутузова, равно как не могла остаться незамеченной им и напумевшая в свое время статья Полевого.

Тем не менее прославление в них Барклая не вызвало с его стороны никакой гласной реакции и, как нам кажется, прежде всего потому, что и в том и в другом случае не имели места какие-либо намеки, аллюзии, непосредственно задевавшие репутацию дядюшки-полководца, тогда как в пушкинском стихотворении они были выражены достаточно явственно.

Из историков, пожалуй, только В. В. Пугачев обратил внимание на этот антикутузовский подтекст «Полководца»³⁰, пушкинисты же склонны его приглушать, обходить на том основании, что Пушкин, признававший громадную роль Кутузова в отражении наполеоновского нашествия, не мог-де так резко противопоставить ему Барклая и бросить какую-либо тень на его полководческие заслуги в 1812 г.

В самом деле, Пушкин искренне почитал великий воинский подвиг Кутузова. В 1831 г., в пору нахлынувших на поэта воспоминаний об Отечественной войне, он посвятил его памяти высокаторжественные стихи,

где Кутузов — «Маститый страж страны державной» — представлен спасителем России в 1812 г.

Разумеется, успех России в войне с Наполеоном Пушкин не считал единоличной заслугой Кутузова и уже тогда обратил свой взор на незаурядную в этом отношении фигуру Барклая. Еще в 1830 году, — а к тому времени представления Пушкина об его выдающейся роли в Отечественной войне сложились окончательно, — в X главе «Евгения Онегина» на вопрос:

Гроза 12 года
Настала — кто тут нам помог? —

давал ответ, сама форма которого свидетельствовала о делящихся еще с 1812 г. спорах:

Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог³¹.

Но, так или иначе, полководческие усилия Барклая отмечены здесь в качестве одного из решающих факторов русской победы — наравне с народной войной.

В следующем году в «Рославле», рассказывая о патриотическом отчаянии героини повести Полины из-за отступления летом 1812 г. русской армии к Москве, Пушкин писал, что «она не постигала мысли тогдашнего времени, столь великой в своем ужасе, мысли, которой смелое исполнение спасло Россию и освободило Европу»³². Но ведь «великая мысль» «тогдашнего времени», спасающая Россию, это и есть тот самый отступательный план Барклая, тот «замысел, обдуманый глубоко», та «мысль великая», о которых сказано и в «Полководце».

В марте 1836 г., почти год спустя после его написания, но еще задолго до публикации и возгоревшейся вокруг него полемики, обозревая в мастерской скульптора Б. И. Орловского модели памятников двум военачальникам, которые готовились к установке перед Казанским собором в Петербурге, Пушкин в краткой поэтической строке дал предельно точную формулу своего понимания спасительной миссии каждого из них в 1812 г.: «Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов»³³.

Но в посвященном Барклаю стихотворении он вовсе не стремился пересматривать историческую оценку полководческих действий Кутузова. Его вообще не интересовала здесь чисто военная сторона дела — даже применительно к своему герою. Именно это он и подчеркнул, как мы помним, в письме к Гречу, где, разъясняя творческий замысел «Полководца», отметил, что Барклай его занимает не «в отношении военного искусства», а как «характер», т. е. с нравственной точки зрения. В центре поэтического внимания Пушкина была трагедия непризнанного современниками военачальника, и все стихотворение проникнуто пафосом установления не только исторической, но нравственной, человеческой справедливости относительно Барклая.

Поэтому и его отношения с Кутузовым трактуются в «Полководце» не

с военно-стратегической, а с той же нравственной точки зрения в общественно-психологическом контексте эпохи. Но заострение этой темы ни в коей мере не было данью поэтическому преувеличению. При всем художественном лаконизме и отвлеченности от историко-бытовой конкретики антикутузовских строк стихотворения, в них вполне различимы следы осведомленности Пушкина в действительно сложных и противоречивых взаимоотношениях двух полководцев в 1812 г.

«ОБЪЯСНЕНИЕ»

Вернемся к ноябрю 1836 г., когда брошюра Голенищева-Кутузова рассылалась подписчикам «Санкт-Петербургских ведомостей». Вопреки своему обыкновению не отвечать на критические выпады, на сей раз Пушкин решил немедля высказаться в печати, и на то были основания достаточно серьезные — дело касалось политической репутации поэта.

Помимо всего прочего, упреки автора брошюры в намеренной недооценке официально канонизированного Кутузова неизбежно оборачивались и подозрениями в недостатке патриотизма. Мало того, в условиях разгоревшейся полемики обнажилось и несовпадение с официальными представлениями самой трактовки в «Полковоодец» образа Барклая.

Сразу же по выходе брошюры, между 8 и 11 ноября, Пушкин пишет в ответ на нее «Объяснение» и включает его в IV том «Современника» — в книжных лавках Петербурга он появится в конце декабря 1836 — первые дни января 1837 г.³⁴

В жанре сжатого историко-публицистического очерка поэт подводит итоги своим многолетним размышлениям над ключевыми событиями 1812 г. и ролью в них Барклая и Кутузова, но начинает он с того, что отвергает приписанное ему «намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унизить священную славу Кутузова».

В работах о Пушкине встречается иногда такое мнение, что в историческом плане между «поэтическим «Полководцем» и прозаическим «Объяснением» нет <...> никакого противоречия», причем само стихотворение рассматривается во внелитературном ряду, через призму концепции «Объяснения»³⁵. Но в том, что касается коллизии «Кутузов — Барклай», если не противоречия, то уж различия были и притом довольно заметные.

Побуждаемый навязанной и в такой острой форме скорее всего непредвиденной им полемикой, Пушкин в «Объяснении» ослабил, а кое-где и снял совсем мотив конфликта двух полководцев. Наоборот, он стремится примирить их в историческом сознании поколений: «Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая де Толли, потому что Кутузов велик?» В «Объяснении» ему вообще отведено место ничуть не меньшее, чем Барклаю, — в этом определенно сказалось стремление Пушкина заново и более точно расставить акценты. Слава Кутузова «неразрывно соединена <...> с памятью о величайшем событии новей-

шей истории» и «его титул: спаситель России». «Превосходство военного гения» Кутузова непререкаемо: только он «мог предложить Бородинское сражение, <...> отдать Москву неприятелю, <...> оставаться в этом мудром деятельном бездействии» в Тарутине, «усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты», — «Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!»

Любопытно, что эти похвальные слова в адрес Кутузова разительным образом перекликаются и даже совпадают терминологически с «Замечаниями на нынешнюю войну» любимого лицейского профессора Пушкина А. Н. Кунницына. Напечатанные еще осенью 1812 г. в «Сыне отечества» Н. И. Греча, они явились едва ли не первым в России опытом публичного истолкования стратегических усилий полководца. Здесь, например, можно было прочесть такие строки: «Победительное бездействие <в другом месте «трудолюбивое». — А. Т.> Кутузова при Тарутине и Летапешке было пагубно для Наполеона», который «в самой Москве сделался неопасным для русских», Кутузов основывал «свою славу не на пустом самохвальстве, а на истинном *превосходстве гения*» и т. д.³⁶ Не есть ли это лучшее доказательство того, что оценка Пушкиным в «Объяснении» исторических заслуг Кутузова возникла не спонтанно на волне полемики 1836 г., а была давно выношена, питаясь еще юношескими, лицейскими впечатлениями 1812 г., в частности, глубоко запавшими в сознание поэта чеканными формулами кунцицнских «Замечаний»?

По поводу этой оценки Е. В. Тарле в свое время заметил: «Пушкин и в стихах и в прозе <...> успел исчерпывающе полно высунуть свое воззрение на роль Барклая и утвердить решающую роль Кутузова и тем покончить со всеми недоразумениями»³⁷. Думается, однако, что это — неточная, упрощенная трактовка «Объяснения», равно как и позиции Пушкина в полемике 1830-х годов в целом. Ибо было бы неверно видеть в процитированных выше строках из «Объяснения» чуть ли не измену поэта своим взглядам на Барклая и Кутузова. Впервые такую версию выдвинул в «Северной пчеле», вскоре после публикации «Объяснения», Булгарин в официозно-верноподданнической статье «Правда о 1812-м годе...». Расточая похвалы «превосходному стихотворению «Полководец», в котором поэт «первый доказал, что Барклай де Толли» — «великий муж» — «есть великий предмет для русской лиры», критик тут же уличает Пушкина в том, что он «почти отрекся от прежнего», назвав на сей раз «спасителем России Кутузова»³⁸. Мнение о том, что Пушкин тем самым отошел от своих прежних взглядов на роль Барклая, неожиданно повторил недавно В. В. Пугачев³⁹. Но если вдуматься, то о каком-либо отречении говорить нет оснований, поскольку в «Объяснении» Пушкин изложил и развил свои давние, как мы теперь знаем, воззрения на роль Кутузова в 1812 г. Но что он высказал их здесь далеко не в полной мере — это тоже бесспорно. Ведь примерно тем же временем, когда «Объяснение» вышло из печати, датируется и «альбомный» автограф «Полководца» с откровенно резкой характеристикой Кутузова как «соперника» Барклая.

Умолчание в «Объяснении» этого шепетильного обстоятельства, на которое в печатном тексте стихотворения Пушкин лишь слегка намекнул, но смысл которого был тут же распознан, надо, видимо, расценивать как тактическую уступку с его стороны, вынужденную напряжением идейно-общественной борьбы вокруг наследия 1812 г.

Но зато в характеристике Барклая Пушкин в «Объяснении» ни в чем существенном не отошел от своей поэтической апологии. Единственное, чем он пожертвовал, так это, действительно, словом «спаситель», которое к Барклаю теперь не применил, но это не шло вразрез с общей проникновенно-эпической его оценкой и идеей «равновеликости» двух полководцев, лежащей в основе «Объяснения». С недопускающей никаких сомнений ясностью, переводя поэтические строки на «метафизический» язык прозы, Пушкин снова напоминает о «заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные урны, предоставляя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества». И далее раскрывает самую суть его трагического столкновения с обществом: «Минута, когда Барклай принужден был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его стоического сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом».

Трижды повторена центральная идея «Полководца» об уступлении Барклаем своему «преемнику» начальствования над войсками и славы победного торжества, снова перед нами образ исполненного внутренней убежденности и христианского смирения стойка, взявшего на себя бремя ответственности и самопожертвования, опять возникает тема «сокровенной цели» как доминанты всех действий Барклая. Но в самом конце появляется и новый мотив, ранее не звучавший в пушкинских текстах и с совсем неожиданной стороны рисующий облик Барклая в 1812 г.: «не успев оправдать себя перед глазами России». <Курсив мой. — А. Т.> Тут сразу приходит, кстати, на память, что слово это: «оправдать» в отношении Барклая употреблено Пушкиным и в письме к Гречу от 13 октября 1836 г.

ЗАГАДОЧНАЯ ФРАЗА

Пушкинисты обычно не вчитываются в эти строки. В обширной литературе о «Полководце» мы не найдем ни одного их толкования. Между

тем эта фраза таит в себе неразъясненный доселе, некий загадочный смысл.

Присмотримся же к ней внимательно.

Что значит прежде всего конструктивно опорный элемент фразы — «оправдать себя»? Каким образом Барклай мог это сделать: своими ли полководческими действиями, если бы не пришлось «уступить власть» и он, по-прежнему командуя войсками, дал бы Наполеону успешное сражение? Но тогда и оправдываться-то было не в чем, сам ход боевых действий служил бы лучшим доводом в его пользу и окрасил бы победоносным светом все предшествующие его усилия.

Поэтому естественнее предположить, что здесь подразумевалась акция Барклая не военного, а политического свойства по обоснованию — «оправданию» — правильности избранной и проводимой им в начальный период войны стратегической линии.

Но почему Пушкин написал: «не успеv оправдать себя»? Ведь Барклай прожил после Отечественной войны 6 лет и времени для оправдания было более чем достаточно. К тому же он занимал тогда крупнейшие посты в армии, обладал значительным влиянием и т. д. Скорее всего «не успеv» следует приурочить к ситуации самого 1812 г., к моменту «уступления власти» и близкому к нему времени. Этот оборот заключает в себе и намек на какие-то препятствия, трудности, стоявшие на пути оправдательных усилий Барклая, преодолеть которые до конца он так и не смог — «не успеv».

Наконец, не успеv «оправдать себя *перед глазами России*» — тут уже совершенно ясно речь шла об открытом, публичном оправдании Барклая в общественном мнении страны.

В полемике вокруг «Полководца» есть еще один не проясненный момент: почему именно Греч так быстро откликнулся на пушкинские стихи письмом с высокопохвальным отзывом, — ведь он жил с поэтом в одном городе и мог бы, казалось, передать свои впечатления при очередной встрече?

Сам Пушкин был далеко не безразличен к тому, как воспринималось стихотворение в публике. Правда, беседуя об этом с А. О. Россетом, он говорил, что «не дорожит мнением знатного, светского общества», но мнение литераторов, ученых, журналистов, военных его не на шутку занимало, и он выпрашивал у своего собеседника, как относится к «Полководцу» офицерская молодежь⁴⁰.

В этой связи нельзя пройти мимо гипотезы об адресате одного стихотворного отрывка М. Ю. Лермонтова — в ту пору корнета лейб-гвардии гусарского полка. Он сохранился в тетради автографов поэта и впервые был напечатан в 1875 г. известным историком русской литературы П. А. Ефремовым. Вот его текст:

Великий муж! Здесь нет награды
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твое названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну!»

Строфы эти записаны на оборванном сверху и не датированном листке, — возможно, им предшествовали утраченные ныне стихи, в которых содержалось указание на того, кому они были адресованы. Относительно последнего высказывались самые разные предположения и догадки. Б. М. Эйхенбаум еще в 1930-х годах полагал, например, что «Великий муж» — это П. Я. Чаадаев. Назывались и другие имена — А. Н. Радищева, П. И. Пестеля, К. Ф. Рыльева, А. П. Ермолова, Н. Н. Раевского. Рядом авторитетных ученых (В. А. Мануйлов, Л. Б. Модзалевский, И. Л. Андроников) было выдвинуто предположение, поддержанное впоследствии Эйхенбаумом, о Барклае де Толли как адресате лермонтовского стихотворения, и эта гипотеза расценивается в современном литературоведении одной из наиболее аргументированных атрибуций «Великого мужа». Но в таком случае эти стихи следует считать не столько самостоятельным поэтическим актом, сколько живым откликом молодого поэта на полемику середины 1830-х годов вокруг оценки роли военачальников 1812 г., в которой он занял определенно пропущинскую позицию, — своего рода вариацией на темы «Полководца». В том, что это так, нас убеждает идейное и стилистико-фразеологическое созвучие с ним лермонтовских стихов. В них тот же образ некоего высокого, исполненного благородства и доблести, лица — воина, гражданина, государственного деятеля, совершившего патриотический подвиг, который не нашел признания у современников, но будет по достоинству оценен отдаленными потомками. Да и само высокосторжественное обращение «Великий муж» в сочувствовавшей полководцу среде в эпоху 1812 г. и в журнальной полемике 1830-х годов употреблялось применительно именно к Барклаю.

Его облик должен был вообще импонировать Лермонтову — тоже отпрыску старинной шотландской фамилии, переселившейся в Россию и здесь ассимилированной. Поэт не мог не ощущать в этом смысле известной общности своей судьбы с судьбой знаменитого полководца. Трагическая участь отвергнутого и непонятого современниками Барклая находила, вероятно, соответствие в размышлениях Лермонтова над собственным положением в обществе, в его личном мироощущении и душевном опыте⁴¹.

Но как, однако, ни индивидуально окрашены эти строфы о «Великом муже», есть все же основания думать, что в них отразилось восприятие пушкинской апологии Барклая и столичной военной молодежи, разумеется, ее достаточно узким, элитарным кругом.

Что же до близкого окружения Пушкина, то «Полководец» встретил здесь восторженный прием. «Барклай — прелесть!» — лаконично отзывался о «Полководце» 19 октября 1836 г. А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому. А 13 января 1837 г. Н. В. Гоголь с восхищением пишет из Парижа Н. Я. Прокоповичу, имея в виду и напечатанную в IV томе «Современника» историческую повесть Пушкина из эпохи Пугачевского восстания: «Где выберется у нас полугодие, в течение которого явились бы разом две такие вещи, каковы «Полководец» и «Капитанская дочка». Видана ли была где-нибудь такая прелесть!»⁴² Учтем здесь и приведенную выше высокую оценку стихотворения из дневника П. Х. Грббе. Имели место, наверное, и другие, в том числе устные, отклики на «Полководца» друзей и знакомых поэта, но ни один из них письменно по этому поводу к Пушкину не обратился (если бы такие письма существовали, они не могли бы не оставить своих следов в мемуарной традиции и документальных источниках), — только Греч и никто другой.

Он вообще проявил тогда особую заинтересованность в пушкинской апологии Барклая. Еще раз напомним, что, помимо письма, о котором мы здесь говорили, Греч тут же перепечатал текст «Полководца» в «Северной пчеле» и сопроводил его панегирической заметкой, а когда Голенищев-Кутузов попытался через газету распространить свою брошюру не только с антипушкинскими, но и с антибарклаевскими выпадами, очевидно, отклонил его домогательства. К этому следует добавить, что Греч был редактором исторического раздела в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара, в IV томе которого в конце 1835 г. появилась не без его ведома, а, возможно, и прямого участия упомянутая выше статья С. Маркевича о Барклае, поражающая своей близостью к пушкинскому истолкованию его облика. Греч, видимо, всюду, где только мог, пропагандировал «Полководца». Например, сам же он, вспоминая о разрыве осенью 1836 г. с Плюшаром и отказе от редактирования «Энциклопедического лексикона», рассказывал, что, выйдя от Плюшара, встретил на Невском Н. С. Голицына и в завязавшемся разговоре спросил: «читал ли он прекрасные стихи Пушкина о Барклае <...> и на ответ его, что не читал, пошел с ним в книжную лавку Жебелева и прочитал их»⁴³.

Думается, не будет преувеличением предположить, что Пушкина и Греча связывали с памятью о Барклае в 1812 г. какие-то предшествовавшие появлению «Полководца» и лично значимые для них разговоры. Примечательно в этой связи суждение о Грече-мемуаристе Р. В. Иванов-Разумника, подготовившего более 60 лет назад издание его записок — памятника непреходящей литературно-исторической ценности. Сетуя на то, что немалая часть богатейших жизненных впечатлений Греча осталась за пределами закреплённых на бумаге воспоминаний, Иванов-Разумник заметил: «чего бы стоила, например, одна его статья о Пушкине <...>, о котором он знал многое такое, что теперь неизвестно ни одному из пушкинистов»⁴⁴.

Но будь такая «статья» написана, она, наверное, пролила бы свет и на эту сферу отношений Пушкина с Гречем, а, быть может, и на источники

осведомленности поэта о исторической подоплеке темы его стихотворения. Короче, дело касается неких важных обстоятельств биографии Баркляя в эпоху 1812 г., о которых Пушкин, видимо, знал, но не хотел или, по условиям своего времени, не мог сообщить подробно, ограничившись сжатой фразой, и о которых мы ныне — по прошествии более 150-ти лет после смерти поэта и 180-ти лет после Отечественной войны — ничего не знаем или знаем очень мало.

Чтобы понять глубинный исторический смысл этой фразы, надо, погружившись в общественную атмосферу той эпохи, разобраться в сложных перипетиях положения Баркляя в военно-политической ситуации 1812 г., но это — уже тема отдельной большой работы, выходящей за рамки настоящих заметок⁴⁵.

- 1 Современник. Литературный журнал, издаваемый А.Пушкиным. СПб., 1836. Т. III. С. 192—194.
- 2 *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 186—205.
- 3 Русский инвалид. 1836. №№ 216—219, 227, 234, 237—245, 263.
- 4 Современник. 1836. Т. I. С. 14—16, 304—305; Т. II. С. 53—138, 247—284; Т. III. С. 138—151, 197—203; Т. IV. С. 5—31, 303.
- 5 *Петрунина Н.Н.* «Полководец». — Стихотворения Пушкина 1820-х — 1830-х годов. Л., 1974. С. 278—305; *Вацуро В.Э.* «Полководец». — *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 316—327; *Старк В.П.* К истории создания стихотворения «Полководец». — Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. Вып. 22. С. 145—158.
- 6 *Пушкин.* Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969. С. 392—393. (Биогр. справка В.Э.Вацуро о Н.И.Грече.)
- 7 *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.;Л., 1949. Т. XVI. С. 163—164. (Далее — *Пушкин.*)
- 8 Там же. С. 164.
- 9 *Кока Г.* Пушкин и полководцы двенадцатого года. — Прометей. М., 1969. Т. 7. С. 25—26.
- 10 *Булгарин Ф.В.* Петр Иванович Выжигин. СПб., 1831. Ч. II. С. 269; Ч. III. С. 76.
- 11 *Вацуро В.Э.* «Полководец». С. 320.
- 12 *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.;Л., 1930. С. 349.
- 13 Русская старина. 1873. № 2. С. 137.
- 14 *Гиллельсон М.И.* Отзыв современника о «Пире Петра Первого» Пушкина. — Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.;Л., 1963. С. 49—51.
- 15 *Мануйлов В.А., Модзалевский Л.Б.* «Полководец» Пушкина. — Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.;Л., 1939. Т. 4-5. С. 152.
- 16 Северная пчела. 1837. № 7, 11 января; *Черейский Л.А.* К стихотворению Пушкина «Полководец». — Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.;Л., 1966. С. 56—58.

- 17 Соч. А.С.Пушкина /Ред. П.А.Ефремов. СПб., 1905. Т. VIII. С. 361—362.
- 18 Из памятных записок графа П.Х.Граббе. М., 1873. С. 10—11.
- 19 *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 353.
- 20 *Вацуро В.Э.* «Полководец». С. 326.
- 21 *Мануйлов В.А., Модзалевский Л.Б.* Указ. соч. С. 152.
- 22 Соч. А.С.Пушкина /Ред. П.А.Ефремов. Т. VIII. С. 364—367.
- 23 *Пушкин.* Т. III. С. 379.
- 24 *Трофимов И.* «Полководец». — Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 194—200; *Старк В.П.* Указ. соч. С. 157—158.
- 25 *Петрунина Н.Н.* Указ. соч. С. 301.
- 26 Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. Сочинение сира Вальтера Скотта. СПб., 1832. Ч. IX. С. 297, 301, 303, 387—389.
- 27 Московский телеграф. 1833. № 9. С. 139; *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 195—197.
- 28 Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. IV. С. 356—359.
- 29 Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1836. Т. 2. № 8.
- 30 *Пугачев В.В.* Пушкин и 1812 год. (К истолкованию «Полководца»). — Проблемы истории, культуры, литературы, социально-экономической мысли: Межвуз. научный сб. Саратов, 1984. С. 167—169.
- 31 *Пушкин.* Т. III. С. 267; Т. VI. С. 522.
- 32 *Пушкин.* Т. VIII. С. 155.
- 33 *Пушкин.* Т. III. С. 416.
- 34 Современник. 1836. Т. IV. С. 295—298; *Черейский Л.А.* Указ. соч.
- 35 *Кока Г.* Указ. соч. С. 28; *Петрунина Н.Н.* Указ. соч. С. 278.
- 36 Сын отечества. 1812. № 8. С. 45—47; *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967. С. 165—168.
- 37 *Тарле Е.В.* Книга о Лермонтове. — Лит. газета. 1951. № 145, 8 декабря.
- 38 Северная пчела. 1837. № 7, 11 января.
- 39 *Пугачев В.В.* Указ. соч. С. 178—180.
- 40 Русский архив. 1882. Кн. 1. Тетрадь 1-2. С. 245.
- 41 *Мануйлов В.А., Модзалевский Л.Б.* Указ. соч. С. 164; *Андроников И.* Лермонтов: Новые разыскания. М., 1948. С. 79—112; *Эйхенбаум Б.М.* Статьи о Лермонтове. М.;Л., 1961. С. 325—326; *Тарле Е.В.* Указ. соч.; Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 81; *Висковатов П.А. М.Ю.* Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1987. С. 91—93.
- 42 Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. III. С. 334; *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. М.;Л., 1952. Т. XI. С. 85.
- 43 Русский архив. 1870. Стб. 1262—1263.
- 44 *Иванов-Разумник Р. Н.И.* Греч и его записки. — *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 31.
- 45 Сокращенное изложение некоторых ее разделов см.: *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. — Звезда. 1993. № 8. С. 138—183.

НОВЫЕ БЕЗДЕЛКИ

Сборник статей к 60-летию

В.Э. Вацуро

Москва

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1995 — 1996